

УДК 94(4+7)

Т. А. Черноверская

Новосибирский государственный педагогический университет

**АНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЯКОБИНЦЕВ
И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ**

Античная традиция присутствует в истории Великой Французской революции столь зримо и определенно, что заметна любому, кто хотя бы слегка соприкоснется с нею. Достаточно взять в руки любое иллюстриро-

ванное издание, каких немало было выпущено к ее юбилею, чтобы увидеть систематическое использование античных символов, атрибутов, аллегория во всех сферах от оформления празднеств и публичных зданий до предметов повседневного обихода. Достаточно пролистать тексты речей, газетных статей, политических трактатов и даже законопроектов, чтобы заметить, сколь активно их авторы обращаются к идеям и принципам, восходящим к античности, призывают в свидетели или приводят в пример героев древнегреческой или римской истории.

Тем не менее, предметом специального исследования проблема взаимодействия Французской революции с античной традицией становится нечасто. Более того, все авторы больших работ на эту тему - Гарольд Паркер [10]. Жак Буино [7] и Клод Моссе [8] - являются прежде всего историкам античности, а не революции. Для них эта проблем имеет, так сказать, историографический характер, и предметом исследования является античная традиция, как она была воспринята в эпоху Французской революции, а не особенности, своеобразие преломления этой традиции в революционной Франции конца XVIII в. Между тем, для более адекватного прочтения текстов, вербальных и невербальных, которые оставила нам Французская революция, оказывается необходимым как выявление и анализ способов восприятия, интерпретации деятелями этой Революции идей и образов, восходящих к античной традиции, включения их в собственную дискурсивную практику, так и собственно расшифровка этих образов и реминисценций, как правило, непонятных, а зачастую и незаметных для современного читателя, не получающего классического образования.

Сложность обеих задач возрастает по мере того как мы удаляемся - во времени и пространстве - от той Революции. Так, комментируя в конце 1950-х гг. речи и доклады Л. А. Сен-Жюста [9], известный французский историк Альбер Собуль не счел нужным давать пояснения встречающимся в них именам древних греков и римлян, полагая, очевидно, что для образованного француза они и без того знакомы. Между тем, в этих текстах античные аллюзии не ограничиваются именами и теми образами, с которыми они связаны. Например, известная формула из доклада Сен-Жюста "О революционном порядке управления" о том, что вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездейственным в Республике, кто ничего не делает для нее" [6, с. 94], приобретает несколько иное звучание для тех, кто воспитан на Плутархе. Они же непременно вспомнят, что она отсылает нас к древнегреческому реформатору Солону, одним из нововведений которого был "закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии. Но Солон, по-видимому, хочет, чтобы гражданин не относился равнодушно и безучастно к общему делу ... он, напротив, хочет, чтобы всякий гражданин сейчас же стал на сторону партии, защищающей доброе, правое дело, делил с нею опасности, помогал ей, а не дожидался без всякого риска, кто победит" [5].

С другой стороны, оторванность от классической традиции исследователей, занимающихся отечественной историей, не позволяла им в течение долгого времени обнаружить, в творчестве А. Н. Радищева прямых откликов на события Французской революции в целом и на якобинскую диктатуру в частности. «Всего один раз помянул он Робеспьера, да и то не специально, а мимоходом, повествуя о давних временах - кровавом правлении римского тирана Суллы: “Нет, ничто не уравнился / Ему в лютости толикой, / Робеспьер дней наших разве”», - отмечает Е. Г. Плимак [4, с. 10]. Между тем, для Радищева это не было даже шифровкой эзоповым языком - достаточно вспомнить в качестве примера публикацию Н. М. Карамзиным в 1798 г. “Истории Французской революции, избранной из латинских писателей”, где об основных в его представлении событиях революции было рассказано при помощи цитат из Светония, Саллюстия, Тацита и др. [2, с. 159-173].

Обращение французских революционеров к античной традиции может быть уподоблено обращению их предшественников в Германии, Нидерландах, Англии к традиции раннехристианской. Или тому, как в первые годы советской власти большевики обращались к идеям и традициям Великой французской революции. И даже тому, как Гракхи в Древнем Риме апеллировали к традициям ранней республики. Во всех таких случаях мы сталкиваемся с поиском путей и способов исторической легитимации собственной преобразовательной деятельности, по видимости (и/или в действительности) порывающей с устоями и традициями современного мира.

Для просвещенных французов конца XVIII в. такое обращение к античности представляется вполне естественным: образование, полученное в коллеже, делало для них классические тексты столь же знакомыми, как Священное Писание. Г. Паркер в свое время, проанализировав учебные программы более чем десятка учебных заведений, главным образом колледжей, в которых обучались будущие известные деятели Революции, выявил тот круг авторов (главным образом римских) и их произведений, которые должны были быть знакомы подавляющему большинству тех, кто такие учебные заведения окончил [10, с. 14-19].

Этот общий взгляд, однако, не позволяет интерпретировать тот отмеченный многими исследователями факт, что наибольшее “увлечение” античностью приходится на период правления якобинцев, а при Директории обращение к античной традиции приобретает достаточно формальный характер. Эмпирические наблюдения в данном случае достаточно хорошо коррелируют с проведенным Ж. Буино статистическим подсчетом частоты обращения к античным сюжетам депутатов всех национальных собраний с 1789 по 1799 г., хотя эта статистика и не дает полной картины. Причем характерно, что среди первых шести депутатов Конвента, возглавляющих соответствующую таблицу, четверо – Робеспьер, Барер, Сен-Жюст и Бийо-Варенн - члены Комитета общественного спасения, чаще других выступавшие с *программными* докладами. В то же время “практики”, такие, как Карно, занимавшийся организацией обороны страны, Р. Ленде, ведавший проблемами продовольствия, или Камбон, исполнявший фактически функ-

ции министра финансов, не испытывают потребности в апелляции к далеким предкам. Казалось бы, вывод напрашивается: обращение к опыту древних греков или римлян определяется недостатком собственного практически-политического опыта. Об этом, кстати, говорили уже и современники. Например, депутат Конвента Эдм Куртуа после термидорианского переворота насмешливо характеризует Сен-Жюста как школяра, демонстрирующего свою ученость, имея в виду его особенно частое обращение к античным образам.

А. В Гордой отмечает в якобинском обращении к античности соответствие их социальным исканиям, в которых “сам античный мир предстает ... как некое двуединство, как прообраз гражданской общности, созревшего и эмансипировавшегося в революционную эпоху, и как разновидность воплощенной в греческом полисе и римской *civitas* естественной (“природной”) социальности” [1, с. 366]. В этом качестве идеализированный образ античного мира и его героев противопоставляется формирующемуся индивидуалистическому обществу. Причем мы можем говорить здесь о двойной идеализации - об идеализированных представлениях о том мире, по которому ностальгировали Плутарх или Тацит. Образ гражданской общности классической древности оказывается особенно привлекательным, поскольку в нем соединяется представление о просвещенности и близости к природе. Адресованные слушателям, подготовленным своим образованием к восприятию этого образа (будь то депутаты Конвента или же значительная часть членов Якобинского клуба), речи якобинских лидеров и были нацелены на формирование у них некоей общности, единства образа мысли и образа жизни, соответствующего этому идеалу. С решением той же задачи связаны и предлагавшиеся депутатами Конвента программы регулярных революционных празднеств и организация таких празднеств.

Однако едва ли не в первую очередь те, кого Жюль Мишле образно классифицировал как “романтических республиканцев” (республиканцев 1793 г., якобинцев - в противоположность “классическим республиканцам”, либералистски настроенным жирондистам), требование единства образа мысли, образа действий и образа жизни предъявляли к самим себе, выстраивая в соответствии с ним собственную жизнь. И с этой точки зрения характеристика, данная им Мишле, как бы подкрепляется наблюдением Ю. М. Лотмана: для романтизма поэтическим является единство поведения, независимость поступков от обстоятельств. Разумеется, этот романтический идеал не противоречит классицистическому представлению о героизме, совпадая к тому же с принципом “единства действия”. Но идеальное поведение героя классицизма реализуется в идеальном же пространстве литературного текста. Попытаться перенести его в жизнь может лишь исключительный человек, возвысившийся до идеала [3, с. 337, 344]. И потому, предъявляя те же требования к подавляющему большинству граждан, якобинцы вступали в конфликт и с их возможностями, и с уже наметившимися перспективами развития гражданского общества.

В этом контексте рассчитанная “театральность” как публичных выступлений, так и всего образа действий якобинских лидеров, предполагающая предельную искренность, также может рассматриваться как составляющая их политического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гордон А. В.* Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. - СПб., 1995
  2. [*Карамзин Н. М.*] Переводы Карамзина - СПб 1835. - Т. 7
  3. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. - СПб., 1994
  4. *Плимак Е. Г.* Революционный процесс и революционное сознание. - М. 1983.
  5. *Плутарх* Сравнительные жизнеописания: Солон. XX.
  6. *Сен-Жюст Л. А.* Речи Трактаты. - СПб., 1995
  7. *Voüineau J.* Les toges du pouvoire ou la Revolution de droit antique, 1789-1799. - P., 1986
  8. *Mossé C.* L'Antiquité dans la Revolution française P., 1989.
  9. *Saint-Just L. A.* Discours et rapports / Introd. et note d' A. Soboul. - P., 1957
  - 10 *Parker G.* The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries: A Study in the Development of the Revolutionary Spirit. - Chicago, 1937
-